
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Русская литература

УДК 821.161.1.

И. Ю. Лученецкая-Бурдина

<https://orcid.org/0000-0001-9308-7798>

А. А. Федотова

<https://orcid.org/0000-0002-9629-6154>

Функционирование евангельских цитат в «автобиографическом» нарративе Н. С. Лескова

Для цитирования: Лученецкая-Бурдина И. Ю., Федотова А. А. Функционирование евангельских цитат в «автобиографическом» нарративе Н. С. Лескова // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 8–17. DOI 10.20323/2499-9679-2021-1-24-8-17

Статья посвящена актуальному вопросу об индивидуально авторских стратегиях «присвоения» Лесковым евангельского текста. Материалом для анализа выступили малоизученные произведения писателя 1892 года, которые самим Лесковым позиционируются как «автобиографические», – «рапсодия» «Юдоль» и «картинка с натуры» «Импровизаторы». Применяя современные методики текстового анализа (коммуникативно-прагматический, рецептивный методы, комплекс исследовательских методов теоретической поэтики), авторы статьи исследовали проблему рецепции писателем Евангелия на уровне авторского стиля как совокупности основных стилиевых элементов (нарративных, композиционных, сюжетных, образных, языковых). В произведениях Лескова 1890-х гг. «автобиографический» вид наррации получил весьма значительное распространение. Он встречается и как форма первичного нарратива, дополняющего вторичное сказовое повествование («Полунощники», «Заячий ремиз»), и как самостоятельная повествовательная форма («По поводу „Крейцеровой сонаты“», «Юдоль», «Импровизаторы», «Дама и фефела»). Сопоставительный анализ «Юдоли» и «Импровизаторов» продемонстрировал принципиальные сходства в функционировании евангельских цитат в «автобиографических» произведениях Лескова. Смысловой и эмоциональной кульминацией последних является лирический монолог Я-нарратора, в котором писатель обращается к цитированию Евангелия. Евангельские цитаты не вытекают прямо из сюжета и представлены не как рациональные выводы из описанных событий, но как своеобразное «откровение» Я-нарратора, на первый план выходит не сила логического убеждения, но чувство. Обращение к евангельскому слову, которое выступает в произведениях как главное средство утоления духовного «голода», позволяет Лескову показать читателю путь выхода из ситуации нравственного и духовного невежества, в которой, по мнению писателя, оказалось русское «простонародье» в конце XIX века.

Ключевые слова: Н. С. Лесков, Евангелие, русская литература XIX века, рецепция, поэтика, нарратив, интертекстуальность.

LITERARY CRITICISM

Russian literature

I. Yu. Luchenetskaya-Burdina, A. A. Fedotova

Functioning of Gospel quotations in N. S. Leskov's «autobiographical» narrative

The article is devoted to the topical issue of N. Leskov's strategies for Gospel text «appropriation». The material for the analysis were the less studied works of the writer written in 1892 which Leskov himself positioned as «autobiographical» – «rhapsody» *The Vale of Tears* and «picture from life» *The Improvisers*. Applying modern methods of textual analysis (communicative-pragmatic, receptive) and a complex of research methods of theoretical poetics, the authors of the article investigate the problem of the Gospel reception by the writer at the level of the author's style as a

combination of basic stylistic elements (narrative, compositional, plot, figurative, linguistic). In the 1890s Leskov's works, the «autobiographical» kind of narration became quite common. It can be found both as a form of primary narrative, complementing the secondary fairy tale narration (*Midnighters*, *Rabbit Remiz*), and as an independent narrative form (*Concerning the Kreutzer Sonata*, *The Vale of Tears*, *The Improvisers*, *Lady and Fefela*). The comparative analysis of *The Vale of Tears* and *The Improvisers* demonstrates fundamental similarities in the functioning of the Gospel quotes in Leskov's «autobiographical» works. The semantic and emotional culmination of the latter is the lyrical monologue of the I-narrator, in which the writer turns to quoting the Gospel. The Gospel quotes do not result directly from the plot and are presented not as rational conclusions from the events described, but as a kind of «revelation» of the I-narrator. It is not the power of logical persuasion that comes to the fore, but feeling. Appeal to the Gospel word, which acts in his works as the main means of satisfying spiritual «hunger», allows Leskov to show the reader a way out of the situation of moral and spiritual ignorance, which, according to the writer, the Russian «common people» found themselves in at the end of the 19th century.

Keywords: N. S. Leskov, the Gospel, 19th century russian literature, reception, poetics, narrative, intertextuality.

Введение

Проблема обращения Н. С. Лескова к Евангелию с начала 1990-х годов не выходит из поля зрения отечественных и зарубежных литературоведов. На протяжении последних 30 лет постоянно публикуются статьи, посвященные данному вопросу (см., напр., [Dlugolecka-Pietrzak, 2017; Лукашевич, 2017; Старыгина, 2017]). Евангельский текст в работах названных ученых изучается преимущественно с целью выяснить специфику религиозных взглядов писателя на разных этапах его творчества (об этом см. также [Ильинская, 2017; Ильинская, 2016]), в связи с чем основное внимание уделяется анализу образной и мотивной организации произведений Лескова (см., напр. [Старыгина, 2020]). В гораздо меньшей степени исследована проблема рецепции писателем Евангелия на уровне авторского стиля как совокупности основных стилизованных элементов (в том числе нарративных, композиционных, сюжетных, языковых), своеобразии стратегий «присвоения» (если воспользоваться термином М. М. Бахтина [Бахтин, 1975]) Лесковым евангельского слова, его «вплетения» в ткань лесковского текста. Изучению вопроса об индивидуально авторских стратегиях «присвоения» Лесковым евангельского текста и посвящена данная статья. Особенности работы писателя с евангельскими цитатами исследуются в ней на материале произведений 1892 года – повести «Юдоли» (опубликована в июньском номере «Книжек „Недели“») и рассказа «Импровизаторы» (декабрьский выпуск того же журнала), которые являются типичными примерами «автобиографического» нарратива, присутствующего в поздней прозе Лескова.

Основная часть

В произведениях Лескова 1890-х гг. «автобиографический» вид нарратива получил весьма значительное распространение. Он встречается и как

форма первичного нарратива, дополняющего вторичное сказовое повествование («Полунощники», «Заячий ремиз»), и как самостоятельная повествовательная форма («По поводу „Крейцеровой сонаты“», «Юдоли», «Импровизаторы», «Дама и фefела»). Автобиографический нарратив в творчестве Лескова не обязательно подразумевает описанное В. Шмидом [Шмид, 2003] сочетание двух временных перспектив, которое возникает в результате формирования повествовательной дистанции между Я-настоящим и Я-прошедшим (в наиболее явном виде эта особенность свойственна только «Юдоли»). Однако эта разновидность Я-повествования подразумевает присутствие автобиографического нарратора, наделенного рядом признаков, которые отчетливо опознаются как присущие авторской биографии.

В «Юдоли» и в «Импровизаторах» узнаваемы, прежде всего, топонимы. Действие в «Юдоли» локализовано в местах, связанных с детством писателя: «К той местности, где была деревенька моих родителей – в Орловском уезде Орловской же губернии» [Лесков, 1958а, с. 219], в «Импровизаторах» Лесков обращается к географически точному описанию места своего летнего пребывания в 1891 и 1892 годах – западной окраине Усть-Нарвы Шмецку (ныне Нарва-Йыэсуу, Эстония), где в XIX веке находился популярный курорт Гунтербург: «Шмецк – это длинная береговая линия домиков, соединяющая Устье-Наровы, или Гунтербург, с мерекюльским лесом, за которым непосредственно начинается и сам знаменитый некогда Мерекюль» [Лесков, 1958а, с. 332]. В произведениях встречаются и другие отсылы к биографии автора: описание тети Полли в «Юдоли» или упоминание о собственной болезни в «Импровизаторах» («Тяжко больной, я был далек от личного участия в делах» [Лесков, 1958а, с. 324]). Между тем, автобиографизм лесковских текстов не следует преувеличивать (об этом по-

дробно см. [Федотова, 2018a]). Подчеркнутая автобиографичность, на наш взгляд, необходима писателю прежде всего для того, чтобы указать на документальность создаваемых им текстов.

Документальность в «Юдоли» и «Импровизаторах» выступает как знак ориентации писателя на публицистический дискурс. Произведения локализованы не только географически точно, но и хронологически конкретно. «Юдоль» посвящена охватившему почти половину губерний Российской Империи во второй половине 1891 г. голоду, «Импровизаторы» – эпидемии холеры 1892–95 гг. В «Юдоли» явные черты публицистики несет первая глава, предваряющая воспоминания нарратора. Точная датировка («теперь (с наступлением весны 1892 года)» [Лесков, 1958а, с. 218]), указание на актуальность («мы очень благополучно пережили крайне опасное положение, какое подготовили нам наше плохое хозяйство и неурожай прошлого лета» [Лесков, 1958а, с. 218]), наконец, апелляция к посвященной теме голода газетной публикации («См. Неделя, 19 апреля 1892 г., № 16» [Лесков, 1958а, с. 219]) дают Лескову возможность включить текст в текущую хронику событий. «Импровизаторы», созданные писателем, когда пандемия еще только-только начала свое отступление, содержат многочисленные отсылы к историческим реалиям холерной эпидемии, что подчеркивается подзаголовком рассказа – «картинка с натуры». Современники писателя высоко оценили именно эту, документальную и публицистическую сторону произведений. В рецензии на 11 том собрания сочинений Лескова в беллетристическом отделе «Русской мысли» подчеркивалось: «Наибольший интерес в этом томе представляют повествования, озаглавленные „Юдоль“, „Импровизаторы“ и „Пустоплясы“, имеющие очень близкое отношение к недавно пережитым Россией бедствиям голода и холерной эпидемии <...> В картинке с натуры „Импровизаторы“ автор передает виденное и слышанное им во время прошлогодней холерной эпидемии» [Русская мысль, с. 300].

Подчеркнутая фактографичность произведений накладывает строгие ограничения на автобиографического нарратора. Кажется, что актуализация фигуры эксплицитного диегетического нарратора, который – в случае «Юдоли» – предлагает рассказ о воспоминаниях детства (от размышлений о голоде 1891 г. Лесков обращается к событиям неурожайного 1840 г.), предполагает формирование личного и интимного коммуникативного пространства. Между тем, автобиографи-

ческое повествование у Лескова (и в этом его яркое отличие от сказового, характеристика которого дана в [Kucherskaya, 2016; Pospíšil, 2012]) стремится быть предельно объективным. В «Юдоли» эта позиция нарратора прямо вербализуется в тексте: «Я предлагаю только то, что могу вспомнить и о чем теперь можно говорить бесстрастно и даже с отрадою, к которой дает возможность наш нынешний благополучный выход из угрожавшей нам беды» [Лесков, 1958а, с. 220]. Сдержанность и даже сухость экономого на прямые оценки повествования в «Юдоли» и «Импровизаторах» контрастирует с характером описанных в произведениях событий. Перед глазами читателя проходит череда бессмысленных и ужасных смертей: в каждом из эпизодов хроники описывается насильственная или – реже – естественная гибель одного из персонажей (подробнее об этой стороне повести см. [Федотова, 2018b]).

Среди этих эпизодов в нарраториальном плане выделяется эпизод гибели сельской девочки Васёнки. Именно в этом фрагменте текста Лесков в первый раз в «Юдоли» обращается к цитированию Евангелия. В эпизоде, в отличие от значительной части повести, не просто декларируется, а реально присутствует точка зрения нарратора-ребенка. Интимность коммуникативной ситуации рассказывания непосредственно связана с событийным рядом эпизода, о кульминации которого Лесков сразу же осведомляет читателя, используя пролепис: «у птичницы Аграфены были дети, прижитые с крепостным мужем, и в числе их была та Васёнка, которую „бог взял“, о чем сейчас и будет предложено» [Лесков, 1958а, с. 241]. Кавычки – знаки «чужой» речи – являются очевидным сигналом усложнения композиции точек зрения. Благодаря аллюзии к известной русской пословице «Бог дал – бог и взял» (восходящей, кстати, к библейскому: «Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!» (кн. Иова 1:21) [Библия]) Лесков, еще не рассказав о подробностях самого события, уже формирует предварительную читательскую оценку: в народной пословице воплощен примирительный и смиренный взгляд на смерть.

Характер последующего описания смерти девочки заметно контрастирует с предложенной оценочной перспективой: «Девочка была в одной рубашке и босая, но ножки обвертела хлопочками, которые нашла в выставленном сюда из избы плетеном гнезде, на котором в свое время сидели на яйцах наседки. Васёнка подвинула одно из таких гнезд под застреху, уселась в него, а головкою

прислонилась к заиндеветым хворостинным решетинам соломенной кровли и так заоченела, но она еще была жива, и когда ее принесли в избу, она даже как будто бы смотрела, но только глазки у нее были „как сонные”» [Лесков, 1958а, с. 242]. Эмоционально насыщенные подробности, настойчивое употребление уменьшительно-ласкательных суффиксов, трогательные телесные образы необходимы Лескову для того, чтобы усилить чувство жалости и сострадания у читателя. По силе воздействия на читателя, эмоциональная реакция которого формируется в том числе и благодаря прямому указанию на переживания нарратора («я бросился в угол <...> и горько заплакал», «Ей теперь хорошо; но сколько она должна была перестрадать и перемучиться, пока застыла под застрехой!» [Лесков, 1958а, с. 244]), этот фрагмент текста составляет кульминацию первой части повести. По воспоминаниям сына писателя, именно этот эпизод является в полной мере автобиографическим: «Лескову в этот орловский голод было девять лет. Простота смерти обморозившейся и изголодавшейся девочки, происшедшей у него на глазах, глубоко врезалась в его память, запала в душу» [Лесков, 1984, с. 95].

Итогом описания смерти девочки выступает прямая оценка этого события Я-нарратором, которая хотя и не противопоставлена напрямую обобщенной «народной» точке зрения, но вступает с ней в очевидный диссонанс: «Этот первый случай, “как дух уходил, и никто не видел, куда он идет”, врезался у меня в памяти на всю мою жизнь, и тихая “смёрточка” тихой Васёнки тогда вдруг показалась мне страшным укором, вставшим против самых близких и дорогих мне людей, до которых сердце мое не желало бы допустить никакой укоризны» [Лесков, 1958а, с. 244]. Этот фрагмент выделяется на фоне текста повести по ряду принципиальных параметров. В нарраториальном плане для него характерно формирование двойной повествовательной перспективы: Я-прошедшее корректируется позицией Я-настоящего, что значительно усиливает обобщающую силу слов нарратора. Только в этом эпизоде первой части повести объективного и сдержанного «хроникера» событий голодного года сменяет взволнованный свидетель «ужасной зимы». Эмоциональное воздействие на читателя усиливается благодаря речевой организации эпизода, в котором преобладает высокая лексика, а общая патетика поддерживается усложненным синтаксисом, придающим предложению отчетливый ритм. Тем самым на первый план выходит не ло-

гика, не сила логического убеждения, но чувство, непосредственное переживание ужаса смерти, впервые испытанное ребенком.

В этом, особенно насыщенном эмоционально, фрагменте монолога «автобиографического» нарратора Лесков и обращается к цитированию Евангелия. Слова «как дух уходил, и никто не видел, куда он идет» отсылают читателя к высказыванию Иисуса Христа, обращенному в начале его проповеди к «одному из начальников Иудейских» Никодиму: «Дух, идеже хошет, дышет, и глас его слышиши, но не веси, откуда приходит и камо идет» (Ин. 3:8) [Библия]. В новом контексте Лесков затушевывает основное значение евангельских слов. Обращаясь к Никодиму, Иисус указывает главные условия человеческого спасения: крещение «водой» и крещение «Духом Святым». Сравнение же Духа Святого с ветром в стихе, цитируемом Лесковым (в греческом оригинале лексема «πνεῦμα» означает и «Дух» и «ветер», в переводе на церковнославянский и русский языки эта игра слов не сохраняется), подчеркивает невозможность для человека рационального познания таинственного действия Духа. Обращение писателя к евангельским словам в контексте эпизода смерти Васёнки актуализирует значение слова «дух», синонимичное лексеме «душа». Эта единственная в первой части повести евангельская цитата соответствует общему тону высказывания и возвышает его интонацию до торжественного пафоса. Евангельское высказывание «как дух уходил, и никто не видел, куда он идет» выступает в роли перифраза, свойственного книжному стилю речи, заменяя нейтральное «умирала». Благодаря введению лексемы «никто», отсутствующей в претексте, Лесков усиливает идею таинственности смерти, которая неожиданно открывается Я-нарратору. Евангельское слово органично входит в этот эмоциональный фрагмент повести, позволяя Лескову показать, что обращение к нему является естественной потребностью человеческой души. Последнее подчеркивается благодаря тому, что евангельские цитаты включены в речь ребенка.

Гибель Васёнки оказывается в «Юдоли» моментом инициации нарратора-ребенка во взрослую жизнь. Во вторую часть повести, посвященную изображению милосердной деятельности тети Полли – тип лесковской героини-праведницы, писатель включает эпизод, параллельный проанализированному – наблюдение Я-нарратора за совместным пением тети Полли и ее подруги «квакерши Гильдегарды». Объединяет эпизоды

нарраториальный ракурс: это второй фрагмент повести, в котором Лесков прибегает к точке зрения Я-нарратора-ребенка: «Они пели „cantique” на текст „Приходящего ко мне не изгоню вон” (Иоанна VI, 37) <...> Я почувствовал необыкновенно полную радость оттого, что всякий человек сейчас же, „таков как есть”, может вступить в настроение, для которого нет расторгающего значения времени и пространства. И мне казалось, что как будто, когда они тронулись к нему „за верой, зреньем и прощеньем”, и он тоже шел к ним навстречу, он подавал им то, что делает иго его благим и бремя его легким <...> О, если бы за все скорби жизни земной еще раз получить такую минуту при уходе из тела!» [Лесков, 1958а, с. 298–299].

Актуализация фигуры нарратора-ребенка в обоих случаях мотивирована высокой экспрессией и патетикой эпизодов. Если сцена смерти Васёнки выступала в качестве эмоциональной кульминации первой части «Юдоли», то сцена пения двух праведниц играет эту же роль во второй части произведения. Принципиальная разница эпизодов в том, что эмоциональное переживание ужаса смерти сменяется восторженным принятием красоты добра. Показательно, что в обоих эпизодах нарратор плачет, во втором случае – от радости («О, какая это была минута! я уткнулся лицом в спинку мягкого кресла и плакал впервые слезами неведомого мне до сей поры счастья» [Лесков, 1958а, с. 299]), а в первом – от горя. В семантическом плане повести важно, что во втором эпизоде – также, как и в первом, возникает тема смерти («О, если бы за все скорби жизни земной еще раз получить такую минуту при уходе из тела!»). Если бессмысленная гибель Васёнки в символическом плане повести ставила вопрос о смысле человеческой жизни в целом, то кульминационная для «Юдоли» сцена пения дала на него ответ, выступив как завершение инициации Я-нарратора. Лесков мастерски передает религиозное чувство последнего. Внезапное расширение пространства текста, символические образы «звезд» и «тихого света», патетическая речь, по своему характеру вновь приближающаяся к ритмизованной прозе, формируют возвышенный фон для очередного цитирования евангельских слов.

Как и в эпизоде смерти Васёнки, основным источником для цитирования выступает Евангелие от Иоанна. Атрибуция Лесковым цитаты показывает принципиальную для автора необходимость «опознания» читателем источника заимствования. Цитируемый писателем фрагмент в Евангелии

звучит в следующем ближайшем контексте: «Я ем хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда <...> Все, что дает Мне Отец, ко Мне придет; и приходящего ко Мне не изгоню вон» (Ин. 6: 35–37) [Библия]. Обращение Лескова к этому библейскому фрагменту заставляет читателя осмыслить в евангельском контексте не только прямо описываемые в сцене религиозные переживания нарратора, но и центральную в «Юдоли» проблему голода. Возможность символической интерпретации мотива голода была подготовлена Лесковым в предваряющем эпизод пения диалоге тети Полли с отцом нарратора. Его смысловым центром является отсылка к одному из наиболее отвратительных эпизодов народной жизни из первой части произведения: «Отец рассказал ей известную историю со свечой из Кожиёнова сала» [Лесков, 1958а, с. 295]. Именно тете Полли писатель дает право оценить это кровавое событие, в котором Лесков воплотил идею о насилии, свойственном крестьянской среде: «Да!.. здесь юдоль плача... Голод ума, голод сердца и голод души. Вот моток, в котором не знаешь, за какую нить хвататься!..» [Лесков, 1958а, с. 295].

Оценивая причины жестоких преступлений в среде крестьян, произошедших во время голодного года, Лесков прибегает к метафоричному ряду «голод ума, голод сердца и голод души», пропуская самый очевидный и основной повод – голод тела. Показательно, что в активной переписке Лескова с Толстым 1890-х гг. есть письмо, в котором Лесков, словно вспомнив название знаменитого толстовского трактата «Так что же нам делать?», просит своего знаменитого современника посоветовать ему, «нужно ли нам в это горе (голодный год – А. Ф.) встречать и что именно пристойно нам делать?» [Лесков, 1958b, с. 491] (подробнее о диалоге писателей см. [Федотова, 2016]). В ответном обстоятельном письме Толстой в свойственном его учению духе (см. об этом: [Лученецкая-Бурдина, 2015]) отвечает о необходимости постоянного самосовершенствования для каждого человека, утверждая, что «покуда этого не будет – голод всегда будет. Он всегда и был, и не переставал: голод тела, голод ума, голод души» [Толстой, 1958, с. 11–12].

Сравнение лесковского и толстовского текстов демонстрирует, что редукция Лесковым выражения «голод тела» была, скорее всего, сознательной. С её помощью писатель перенес акцент с буквального значения слова «голод» на

переносный смысл лексемы и тем самым восстановил евангельский контекст толстовского образа, дав своеобразную «подсказку» читателю с помощью атрибутированной цитаты из Евангелия в ключевом для формирования образа Я-нарратора эпизоде.

Евангельский образ дает писателю возможность в финале повести раскрыть основную причину отвратительных и грубых преступлений, разнообразные намеки на которую Лесков приво-дил в первой части «Юдоли». Голодный год, по мнению автора «рапсодии», приоткрыл глубину нравственного невежества русского просто-народа. В возвышенный внутренний монолог Я-нарратора, благодаря привлечению соответствующего фрагмента Евангелия от Иоанна, включено и указание на средство утоления «голода»: «Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий, ибо на Нем положил печать Свою Отец, Бог» (Ин. 6: 27) [Библия]. Кульминация «Юдоли» отражает открытие Я-нарратором этого источника, который, с точки зрения писателя способен преодолеть «голод души... и всякий голод». Однако немаловажно, что прозрение ограничивается только нарратором, и Лесков намеренно подчеркивает контраст между его фигурой и «народными» героями в главе-эпизоде повести: «Хлеб созрел необыкновенно рано <...> На улице опять «шла гульба», было «сыто и пьяно» <...> но <...> Я ощущал *голод ума*, и мне были милы те звуки, которые я слышал, когда тетя и Гильдегарда пели, глядя на звездное небо, давшее им “зрение”, при котором можно всё простить и всё в себе и в других успокоить» [Лесков, 1958а, с. 312]. Авторское выделение курсивом образа «голода ума» на фоне торжествующей картины утоления «голода тела» призвано вновь заострить внимание читателя на антитезе материального и духовного голода и с помощью возвышенного перифраза отослать к ключевой для семантики текста евангельской цитате. Финал повести внутренне конфликтен: конец «голодного года» ничего не изменил в народной жизни, в которой торжествует телесная полнота. Путь нравственного и духовного преодоления «голода ума» открылся лишь Я-нарратору и, что немаловажно, читателю, который вместе с автором прошел путь «инициации» во взрослую жизнь.

В отличие от значительной по объему «рапсодии» «Юдоль», «Импровизаторы» – лаконичный текст, в основе которого одно событие: распространение слухов о причастности врачей-

«немцев» к гибели пациентов во время холерной эпидемии. Если в «Юдоли» художественное начало значительно превалировало над публицистическим, то в «Импровизаторах» они фактически уравниены в правах. Эпидемия холеры в 1890–е годы во многих городах и селах (Астрахань, Саратов, шахтерский городок Юзовка) сопровождалась холерными бунтами, которые в ряде случаев закончились жестокой расправой над медицинским персоналом и разгромом лечебных учреждений. Хронику эпидемии публиковали в июне – сентябре 1892 года «Вестник Европы», «Русская мысль» и другие крупные журналы, где утверждалось, что бунты явились следствием страха населения перед неведомой болезнью, отсутствием у людей элементарных знаний о сути и способах передачи заболевания, а также несостоятельностью официальной медицины в оказании помощи заболевшим и проведении профилактических мероприятий. Откликом на эту социальную проблему и выступили «Импровизаторы».

Лесков обращается к цитированию Евангелия в третьей части рассказа в эпизоде встречи нарратора с «порционным мужиком», прозванным так из-за малого роста. Автобиографический Я-нарратор выступает в этом фрагменте текста не только как Я-повествующее, но и как Я-действующее, т. е. становится полноправным участником диегезиса. Подобная повествовательная организация выделяет эпизод на фоне остального рассказа и привлекает к нему особое внимание читателя, усиленное еще и тем, что включение этого фрагмента фактически не мотивировано сюжетно и его «изъятие», кажется, никак не повлияет на событийную канву произведения. И тем не менее «порционный мужик» – единственный из героев «Импровизаторов» – наделяется детализированным портретом и развернутой нарраториальной характеристикой, которые во многом и мотивируют необходимость присутствия в эпизоде именно точки зрения Я-нарратора, близкой авторской: «Мужичонко молча вернулся и пошел, и по мере того, как он ближе к нам подходил, я мог яснее его рассматривать <...> Рост крошечный, как рост пятнадцатилетнего мальчика; худ точно скелет, но обтянутый не кожей, а вылинявшею и выветренной набойкой; губ нет вовсе – открыты два ряда превосходных белых зубов; нос тоненький и свернувшийся, как корешок у сухой фиги. <...> Это был не человек, а какое-то движущееся ничто. Это сухой лист, который оторван где-то от какого-то ледащего дерева, и его теперь гонит и кружит по ветру, и мочит его, и сушит, и все это

опять для того, чтобы гнать и метать куда-то далее...» [Лесков, 1958а, с. 333].

В повествовательном плане фрагмент построен по тем же принципам, что и проанализированные выше эпизоды из повести «Юдоль». Фигура Я-нарратора мотивирует переход от подробного описания внешности героя к расширению повествовательной перспективы: «Это был не человек, а какое-то движущееся ничто. Это сухой лист...». Фрагмент выделяется языковой организацией: использование развернутой метафоры, выразительный синтаксис, в основе которого антитеза, инверсия и полисиндетон, создают неожиданный (на фоне повествовательной манеры «Импровизаторов» в целом) и весьма возвышенный образ. Как и в «Юдоли», эпизод представляет собой эмоциональную кульминацию текста.

Именно этот торжественный и эмоционально насыщенный монолог Я-нарратора, как и в случае «Юдоли», включает в себя евангельские цитаты, которые не только стилистически возвышают эпизод, но и значительно углубляют проблематику произведения. Используемые писателем знаки «чужой» речи – «кавычки» – вновь свидетельствуют о том, что Лескову было принципиально опознание читателем источника цитирования. Ключевые для эпизода слова «Господи! что сей сам или родители его согрешили, и как проявятся в нем дела божии?!» [Лесков, 1958а, с. 333]. отсылают к Евангелию от Иоанна: «И, проходя, увидел человека, слепого от рождения. Ученики Его спросили у Него: Равви! кто согрешил, он или родители его, что родился слепым? Иисус отвечал: не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии» (Ин. 9: 1–5) [Библия]. Евангельская цитата, предваренная образным сравнением существования «порционного мужика» с бессмысленным передвижением «листка» и оформленная в виде риторического вопроса и восклицания, приобретает сильную эмоциональность звучания, не свойственную претексту. Последнему способствует и контаминация вопросительной реплики учеников Иисуса с ответом Христа: евангельский диалог у Лескова трансформируется в отчаянное молитвенное воззвание к Господу.

Вопрос о смысле человеческих страданий и человеческой жизни в целом приобретает еще большую эмоциональную глубину благодаря двум евангельским сюжетам в следующей лесковской фразе. В высказывании «неужели если бы птицы исклевали его в зерне или если бы камень жерновый утопил его в детстве, – ему тогда было

бы хуже?» [Лесков, 1958а, с. 333–334]. Лесков контаминирует два фрагмента из Евангелия: притчу о Сеятеле (Мф. 13: 3–4) [Библия] и слова Иисуса о награде и каре (Мк. 9:42) [Библия]. В данном случае писатель не актуализирует смысловой потенциал фрагментов, аллюзия функционирует как возвышенный перифраз, позволяющий писателю поставить проблему соотношения кажущихся бессмысленными страданий и смерти. В заключении нарраториального отступления – благодаря цитированию книги Псалмов – Лесков формулирует и предложенное в религиозной практике решение этой проблемы: «Конечно, „весть Господь, чего ради изнемождает плоть сынов человеческих”» [Лесков, 1958а, с. 334]. Читатель отсылается к началу 72 Псалма: «Изнемогает плоть моя и сердце мое: Бог твердыня сердца моего и часть моя вовек» [Библия]. Писатель прибегает к мистификации, заключая в кавычки добавленную им самим в цитату фразу «весть Господь». Тем самым Лесков не только выражает идею о смиренном принятии страданий, но и вводит в текст выразительную антитезу между Божественным «судом» и человеческим состраданием: «...но человеку все-таки будет „страшно за человека”!» [Лесков, 1958а, с. 334].

Этот эпизод, не связанный напрямую ни с основной сюжетной линией повести, ни, как кажется на первый взгляд, с ее главной темой, тем не менее придает порой комичному повествованию (особенно в своей сказовой части) о слухах вокруг холерной «запятой» (так в «Импровизаторах» назван холерный вибрион Коха) философскую глубину. Евангельские цитирования позволяют писателю увидеть и показать читателю за ужасными в своей нелепости слухами о том, что эпидемии холеры содействует деятельность врачей, которые сами убивают пациентов, трагедию нищего и непросвещенного русского человека, воплощенного в поднимавшемся до символического обобщения образе «порционного мужика». Призыв к состраданию, отчетливо слышимый в словах автобиографического Я-нарратора, выступает как полемически направленный против столь часто упоминаемых в рассказе «мер» генерала Н. М. Баранова, призывающего применять насилие против тех, кто распространяет слухи о холере.

Как и в повести «Юдоль», писатель возвращается к патетическому монологу Я-нарратора в финале повести, подчеркивая особую его важность в смысловом пространстве произведения: «За что же его («порционного мужика» – А. Ф.) так участь жестока? О господи! сжался над ним, да сошли и

нам просвещающую веру вместо суеверия! Из всех „запятых” самые ужасные – те, которые скрываются во тьме суеверий» [Лесков, 1958а, с. 338]. В этих заключительных строках «Импровизаторов» Лесков объединяет основные семантические линии рассказа, превращая в единое смысловое целое злободневную проблему холерной эпидемии, философскую проблему смысла человеческой жизни и человеческих страданий и эмоциональное, почти молитвенное, обращение к Богу. Показательно, что антитеза света (просвещающей веры) и тьмы (тьмы суеверий) в финальном обобщении писателя вновь отсылает к эпизоду исцеления слепорожденного: «Мне должно делать дела Пославшего Меня, доколе есть день; приходит ночь, когда никто не может делать. Доколе Я в мире, Я свет миру. Сказав это, Он плюнул на землю, сделал брение из плюновения и помазал брением глаза слепому» (Ин. 9: 6) [Библия]. Просвещение евангельским словом утверждается Лесковым как главный и единственный путь преодоления невежества и насилия, царящего в народной среде.

Заключение

Сопоставительный анализ «автобиографических» нарративов Лескова «рапсодии» «Юдоли» и «картинки с натуры» «Импровизаторы» демонстрирует принципиальные сходства в функционировании в них евангельских цитат. Выбор автобиографического Я-нарратора позволил Лескову органически вводить в основное повествование полные возвышенного лиризма монологи. Именно лирическое высказывание Я-нарратора является смысловой и эмоциональной кульминацией каждого из произведений. Важнейшим элементом монологов являются евангельские цитаты, органически вписанные в текст благодаря языковой организации фрагментов. Лесков настойчиво цитирует Евангелие от Иоанна, которое по мнению исследователей, наиболее полно раскрывает божественную личность Иисуса Христа.

Показательно, что евангельские цитаты, в которых заключена основная идея текстов, включены автором не в финал, а в самый центр повествования. Они не вытекают прямо из сюжета и представлены не как рациональные выводы из описанных событий, но как своеобразное «откровение» Я-нарратора. Писатель вводит их в наиболее лирически взволнованные и эмоционально насыщенные моменты рассказа, когда на первый план выходит не сила логического убеждения, но чувство. Лесков выбирает особенно проникновенные

эпизоды, будь то переживание ужасов болезни и смерти или восторг от неожиданно открывшейся красоты добра. Обращение к евангельскому слову в эмоциональных кульминациях произведений демонстрирует его естественность, внутреннюю органичность для человека. В «Юдоли» подобный эффект усиливается благодаря актуализируемому автором образу ребенка, в уста которого и вложены евангельские цитаты.

Учение Христа показано в произведениях как естественное свойство человеческой души. Обращение к Евангелию позволяет писателю показать читателю путь выхода из ситуации нравственного и духовного невежества, в которой, по мнению Лескова, находится русский народ. А. И. Фаресов, подчеркивая, что «ум писателя в последние годы был занят психологией невежественной толпы» [Фаресов, 1904, с. 378], вспоминал слова Лескова, свидетельствующие о непредвзятом взгляде последнего на «мужика»: «Этот народ рвет своих докторов и сестер милосердия, как мы видим, на куски и потом идет служить молебны <...> Ведь с этим зверьем разве можно что-нибудь создать в данный момент» [Фаресов, 1904, с. 43–44]. При этом Лесков в «Юдоли» и «Импровизаторах» не ограничивается постановкой диагноза социальных болезней русского общества конца XIX века. Писатель отчетливо демонстрирует и путь к выздоровлению – утоление духовного «голода» народа проповедью евангельского слова.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Москва : Художественная литература, 1975. 504 с.
2. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. URL: <https://bible-teka.com/> (дата обращения: 16. 12. 2020).
3. Женетт Ж. Фигуры. Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 944 с.
4. Ильинская Т. Б. Старообрядческий брак в интерпретации Н. С. Лескова: соотношение художественного и публицистического образа // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 2. С. 308–312.
5. Ильинская Т. Б. Художественная семантика ритуальной пищи в творчестве Н. С. Лескова (от православного поста к вегетарианству) // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 3. С. 269–275.
6. Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памяткам : в 2 т. Т. 1. Москва : Худ. литература, 1984. 479 с.
7. Лесков Н. С. Собрание сочинений : в 11 т. Т. 9. Москва : ГИХЛ, 1958. 652 с.
8. Лесков Н. С. Собрание сочинений : в 11 т. Т. 11. Москва : ГИХЛ, 1958. 862 с.

9. Лукашевич М. Библия в художественном мире рассказа Н. С. Лескова «Однотум» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2012. Вып. 10. С. 259–266.

10. Лукашевич М. Христианские ценности и предубеждения в повести Николая Лескова «Полунощники» // *Zlomová období ruské kultury z pohledu literatury* (Karamzin, Leskov, Merežkovskij, Babel). Brno, Masarykova univerzita, 2017. S. 77–87.

11. Лукашевич М. Церковная проблематика в ранней публицистике Н. С. Лескова // Церковь. Богословие. История : Материалы III Международной научно-богословской конференции. Екатеринбург, 2015. С. 335–342.

12. Лукашевич М. «Я не враг церкви, а ее друг... и уверенный православный». Церковная проблематика в публицистике Н. С. Лескова. Warszawa, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2019. 542 s.

13. Лученецкая-Бурдина И. Ю. Трактат Л. Н. Толстого «Так что же нам делать?»: поэтика социологического дискурса // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 1. С. 118–123.

14. Муллер де Моругес И. Марфа и Мария. Образ идеальной женщины в творчестве Лескова // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1998. Вып. 5. С. 442–453.

15. Новикова А. А. Мифопоэтический образ жарптицы в христианском контексте повести Н. С. Лескова «Заячий ремиз» // Н. С. Лесков в пространстве современной филологической мысли (к 175-летию со дня рождения). Москва : ИМЛИ РАН, 2010. С. 88–99.

16. Новикова А. А. Художественное богопознание в творчестве Н. С. Лескова // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск ; Санкт-Петербург : Алетейя, 2011. Вып. 9. С. 97–111.

17. Русская мысль. 1893. № 7. С. 300.

18. Старыгина Н. Контекстуальная поэтика в творчестве Н. С. Лескова // Лесков и вокруг. Контексты творчества и состояние современного лескововедения. Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. S. 171–181.

19. Старыгина Н. Н. Христианская семантика рассказа «Христос в гостях у мужика» Н. С. Лескова // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 2. С. 238–259.

20. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 66. Письма 1891–1893. Москва : ГИХЛ, 1958. 527 с.

21. Фаресов А. И. Против течений: Н. С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем. Санкт-Петербург : Тип. М. Меркушева, 1904. 409 с.

22. Федотова А. А. Л. Н. Толстой и Н. С. Лесков в полемике вокруг «страшного вопроса» 1891 года // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2016. Т. 22. № 5. С. 135–140.

23. Федотова А. А. «Трудный рост»: рецепция в прозе Н. С. Лескова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. 342 с.

24. Федотова А. А. «Ведь с этим зверьем разве можно что-нибудь создать в данный момент?»: полемика Н. С. Лескова с Л. Н. Толстым в изображении русского народа // *Nová rusistika* (Новая русистика). 2018. № 2. S. 47–57.

25. Шмид В. Нарратология. Москва : Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

26. Długolecka-Pietrzak M. Świat wartości w twórczości N. Leskova // Лесков и вокруг. Контексты творчества и состояние современного лескововедения. Brno, 2017. 29–51.

27. Kucherskaya M. A., Journalist, Reader And Writer: Investigating Leskov's Creative Method/ *Scandoslavica*. 2016. № 1. P. 234–242.

28. Pospíšil I. Jazyk, narace, žánr a kultura v literárních dílech N. S. Leskova. Bratislava: FF UK, Katedra slovenského jazyka, *Studia Academia Slovaca*, 2012. S. 17–27.

Reference List

1. Bahtin M. M. *Voprosy literatury i jestetiki = Questions of literature and aesthetics*. Moskva : *Hudozhestvennaja literatura*, 1975. 504 s.

2. Biblija. *Knigi svjashhennogo pisanija Vethogo i Novogo Zaveta = The Bible. Books of the Old and New Testament scriptures*. URL: <https://bible-teka.com/> (data obrashhenija: 16. 12. 2020).

3. Zhenett Zh. *Figury = Figures*. Moskva : *Izd-vo im. Sabashnikovyh*, 1998. 944 s.

4. Il'inskaja T. B. *Staroobrjadcheskij brak v interpretacii N. S. Leskova: sootnoshenie hudozhestvennogo i publicisticheskogo obraza = The Old Believers Marriage in Leskov's Interpretation: the Relationship between the Artistic and the Publicistic Image* // *Jaroslavskij pedagogicheskiy vestnik*. 2017. № 2. S. 308–312.

5. Il'inskaja T. B. *Hudozhestvennaja semantika ritual'noj pishhi v tvorcestve N. S. Leskova (ot pravoslavnogo posta k vegetarianstvu) = The literary semantics of ritual food in N. S. Leskov's works (from Orthodox Lent to vegetarianism)* // *Jaroslavskij pedagogicheskiy vestnik*. 2016. № 3. S. 269–275.

6. Leskov A. N. *Zhizn' Nikolaja Leskova po ego lichnym, semejnym i nesemejnym zapisjam i pamjatjam : v 2 t. T. 1 = Nikolai Leskov's life according to his personal, family and non-family records and memoirs : in 2 vols. V. 1*. Moskva : *Hud. literatura*, 1984. 479 s.

7. Leskov N. S. *Sobranie sochinenij : v 11 t. T. 9 = Collected Works : in 11 vols. V. 9*. Moskva : *GIHL*, 1958. 652 s.

8. Leskov N. S. *Sobranie sochinenij : v 11 t. T. 11 = Collected Works : in 11 vols. V. 11*. Moskva : *GIHL*, 1958. 862 s.

9. Lukashevich M. *Biblija v hudozhestvennom mire rasskaza N. S. Leskova «Odnodum» = The Bible in the artistic world of N. S. Leskov's story «A Single Thought»* // *Problemy istoricheskoy pojetiki*. Petrozavodsk : *Izd-vo PetrGU*, 2012. Vyp. 10. S. 259–266.

10. Lukashevich M. *Hristianskie cennosti i predubezhdenija v povesti Nikolaja Leskova «Polunoshh-*

niki» = Christian values and prejudice in Nikolai Leskov's story *The Midnighters* // *Zlomová období ruské kultury z pohledu literatury* (Karamzin, Leskov, Merežkovskij, Babel). Brno, Masarykova univerzita, 2017. S. 77–87.

11. Lukashevich M. *Cerkovnaja problematika v rannej publicistiky N. S. Leskova = Church related issues in N. S. Leskov's early writing* // *Cerkov'. Bogoslovie. Istorija: Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-bogoslovskoj konferencii*. Ekaterinburg, 2015. S. 335–342.

12. Lukashevich M. «Ja ne vrag cerkvi, a ee drug... i uverenij pravoslavnyj». *Cerkovnaja problematika v publicistiky N. S. Leskova = «I am not an enemy to the church, but a friend... and a confident orthodox»*. Church related issues in N. Leskov's writing. Warszawa, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2019. 542 s.

13. Lucheneckaja-Burdina I. Ju. *Traktat L. N. Tolstogo «Tak chto zhe nam delat'?»: pojetika sociologicheskogo diskursa = Leo Tolstoy's treatise So What Shall We Do?: The poetics of sociological discourse* // *Verhnevzhskij filologicheskij vestnik*. 2015. № 1. S. 118–123.

14. Muller de Morogues I. *Marfa i Marija. Obraz ideal'noj zhenshhiny v tvorcestve Leskova = Marfa and Maria. The image of the ideal woman in Leskov's work* // *Problemy istoricheskoy pojetiki*. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 1998. Vyp. 5. S. 442–453.

15. Novikova A. A. *Mifopojeticheskij obraz zharpticy v hristianskom kontekste povesti N. S. Leskova «Zajachij remiz» = The mythological and poetic image of the Firebird in the Christian context of Leskov's story «The Rabbit's Warren»* // *N. S. Leskov v prostranstve sovremennoj filologicheskoy mysli (k 175-letiju so dnja rozhdenija)*. Moskva: IMLI RAN, 2010. S. 88–99.

16. Novikova A. A. *Hudozhestvennoe bogopoznanie v tvorcestve N. S. Leskova = Artistic understanding of God in the work of Nikolai Leskov* // *Problemy istoricheskoy pojetiki*. Petrozavodsk; Sankt-Peterburg: Al-etejja, 2011. Vyp. 9. S. 97–111.

17. *Russkaja mysl' = Russian thought*. 1893. № 7. S. 300.

18. Starygina N. *Kontekstual'naja pojetika v tvorcestve N. S. Leskova = Contextual poetics in Nikolai Leskov's work* // *Leskov i vokrug. Konteksty tvorcestva i sostojanie sovremennogo leskovovedenija*. Brno: Ústav slavistiky FF MU, 2017. S. 171–181.

19. Starygina N. N. *Hristianskaja semantika rasskaza «Hristos v gostjah u muzhika» N. S. Leskova = Christian semantics of the story «Christ visiting a peasant» by Nikolai Leskov* // *Problemy istoricheskoy pojetiki*. 2020. T. 18. № 2. S. 238–259.

20. Tolstoj L. N. *Polnoe sobranie sochinenij: v 90 t. T. 66. Pis'ma 1891–1893 = The Complete Works: In 90 vols. V. 66. Letters 1891–1893*. Moskva: GIHL, 1958. 527 s.

21. Faresov A. I. *Protiv techenij: N. S. Leskov. Ego zhizn', sochinenija, polemika i vospominanija o nem = Against the Currents: N. S. Leskov. His life, writings, polemics and memories of him*. Sankt-Peterburg: Tip. M. Merkusheva, 1904. 409 s.

22. Fedotova A. A. L. N. Tolstoj i N. S. Leskov v polemike vokrug «strashnogo voprosa» 1891 goda = L. N. Tolstoy and N. S. Leskov debating over the «terrible question» in 1891 // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*. 2016. T. 22. № 5. S. 135–140.

23. Fedotova A. A. «Trudnyj rost»: recepcija v proze N. S. Leskova = «Difficult growth»: reception in N. S. Leskov's prose. Jaroslavl: RIO JaGPU, 2018. 342 s.

24. Fedotova A. A. «Ved' s jetim zver'em razve možno chto-nibud' sozdat' v dannyj moment?»: polemika N. S. Leskova s L. N. Tolstym v izobrazhenii russkogo naroda = «San anything be created with these beasts at the moment?»: Leskov's polemic with Leo Tolstoy's portrayal of the Russian people // *Nová rusistika (Novaja rusistika)*. 2018. № 2. S. 47–57.

25. Shmid V. *Narratologija = Narratology*. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. 312 s.

26. Długolecka-Pietrzak M. *Świat wartości w twórczości N. Leskova* // *Leskov i wokrug. Konteksty tvorcestva i sostojanie sovremennogo leskovovedenija*. Brno, 2017. 29–51.

27. Kucherskaya M. A., *Journalist, Reader And Writer: Investigating Leskov's Creative Method* // *Scando-Slavica*. 2016. № 1. P. 234–242.

28. Pospíšil I. *Jazyk, narace, žánr a kultura v literárních dílech N. S. Leskova*. Bratislava: FF UK, Katedra slovenského jazyka, Studia Academia Slovaca, 2012. S. 17–27.